

КОСТОРЕЗНАЯ МАСТЕРСКАЯ В СРЕДНЕВЕКОВОМ КУРСКЕ

В. В. Енуков, Д. Н. Горбунов

Курский государственный университет

Поступила в редакцию 17 декабря 2010 г.

Аннотация: статья посвящена описанию косторезной мастерской, открытой в ходе раскопок 1995 г. на верхнем посаде Древнего Курска. В работе проводится анализ обнаруженных изделий и полуфабрикатов из кости и рога. Курская мастерская, действовавшая в середине – 2-й половине XII в., с точки зрения уровня организации ремесла полностью соответствует общей схеме развития косторезного дела в древнерусских городах.

Ключевые слова: Древняя Русь, Курск, косторезная мастерская, петля налучья, полуфабрикаты.

Abstract: the article describes the bone carving workshop, open during the excavations in 1995 at the top of the ancient tenements of Kursk. The paper analyzes the detected products and semifinished products from bone and horn. Kursk shop that was in effect in the middle – the second half of the XII century, in terms of level of organization of craft finds full satisfaction in the overall scheme of carving things in the ancient cities.

Key words: Ancient Russia, Kursk, bone carving workshop, case for a bow loop, semi-finished products.

Предметы из кости и рога уже традиционно привлекают внимание исследователей, однако при этом до недавнего времени [1] не затрагивались материалы Юго-Восточной Руси. В немалой степени это объясняется состоянием источниковой базы, примером чему является Курск, археологическое изучение которого началось только в конце 1980-х гг. [2; 3]. В настоящее время косторезное дело средневековых курян представлено 96 находками, из них 68 – готовые изделия и 37 – полуфабрикаты¹. Только на первый взгляд эту выборку можно расценить как малопредставительную. Для сравнения: на одном из базовых раскопов Новгорода – Неревском (8840 кв. м) – было найдено всего 404 предмета из кости и рога [4]. Сравнительно недавно появилось и объяснение такого рода феномену. Во Владимире-на-Клязьме был выявлен специальный участок с ямами конца XII в. – 1238 г., содержащими многочисленные отходы обработки кости, что было связано с постоянным благоустройством городской территории [5].

В Курске распределение находок, не образующих заметных зон концентраций, не позволяет выделить сооружения, непосредственно связанные с процессом их изготовления. Исклю-

чением пока является единственный объект, обнаруженный в 1995 г. Раскоп 3 площадью 156 кв. м при толщине антропогенных напластований около 2 м располагался на территории парка им. Первого мая. Исследованный участок исторического культурного слоя связан со становлением и развитием верхнего посада и отражает период расцвета Курска, который начался в конце XI – начале XII в. и характеризовался бурным ростом городской территории. К сожалению, большая часть культурного слоя была уничтожена поздними перекопами, которые на отдельных участках прорезали даже материк.

В пределах раскопа 3 были зафиксированы 24 находки из кости и рога, из них 15 представлены готовыми изделиями и 9 – полуфабрикатами и отходами. 9 предметов были связаны с сооружением у западного борта раскопа, состоящим из постройки 2 и ямы 11 (рис. 1А). Объект сильно пострадал от перекопов. От постройки сохранилась только ее нижняя юго-восточная часть. Ее размеры составляли с севера на юг – 3,9 м, с запада на восток – не менее 3 м. Немного выше уровня дна по периметру постройки была прослежена полоска шириной 15–20 см более темного цвета за счет небольшой примеси угольков, явно соответствующая стенам². В северо-восточном углу зафиксированы

¹ Учтены все предметы домонгольского времени, хранящиеся в фондах Курского государственного областного музея археологии и НИИ археологии юго-востока Руси Курского государственного университета.

© Енуков В. В., Горбунов Д. Н., 2011

² На рис. 1А верхняя граница разреза А–А1 немного не совпадает с планом, так как последний отражает вид придонной части котлована.

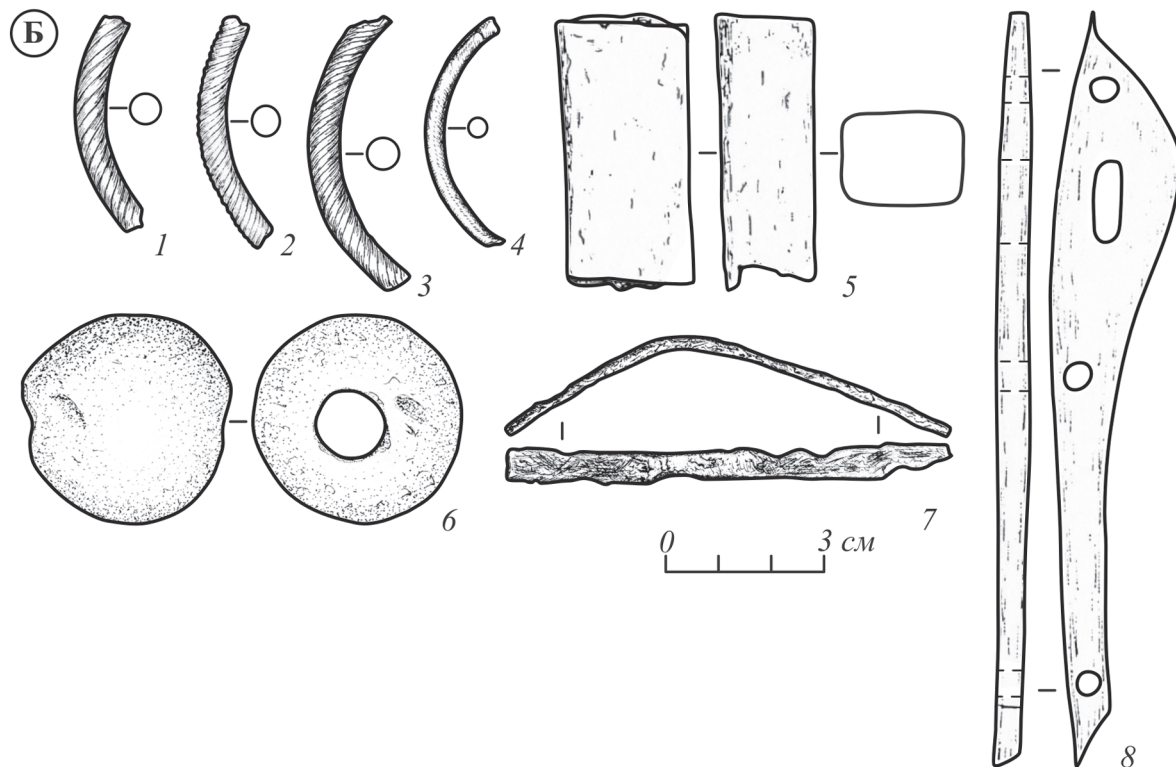
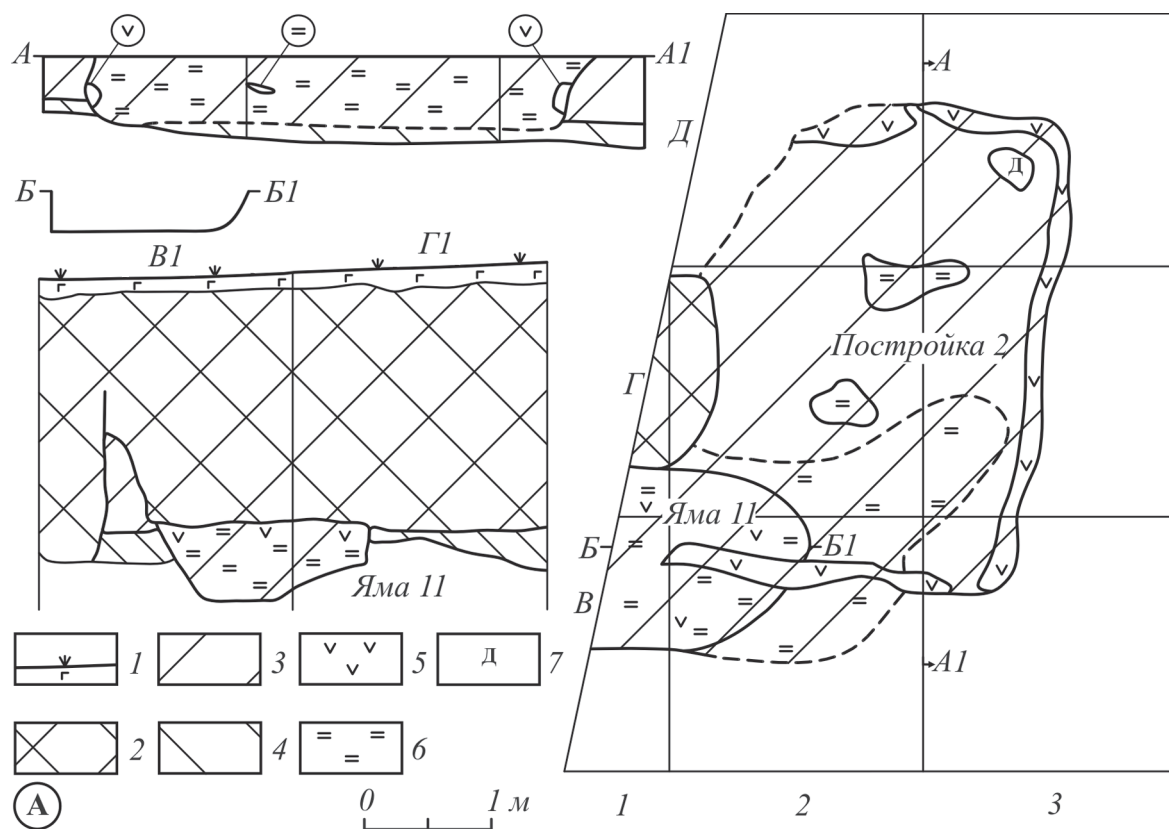

Рис. 1. Курск. Косторезная мастерская

А. Постройка 2 и яма 11: 1 – дерн; 2 – перекоп; 3 – темно-серый слой; 4 – диффузный слой; 5 – угли; 6 – обожженная глина; 7 – древесный тлен;

Б. Индивидуальные находки из постройки 2: 1–4 – браслеты; 5 – заготовка; 6 – грузило; 7 – часть обруча ведра; 8 – петля налучья; № 1–4 – стекло; 5, 8 – рог; 6 – глина; 7 – железо

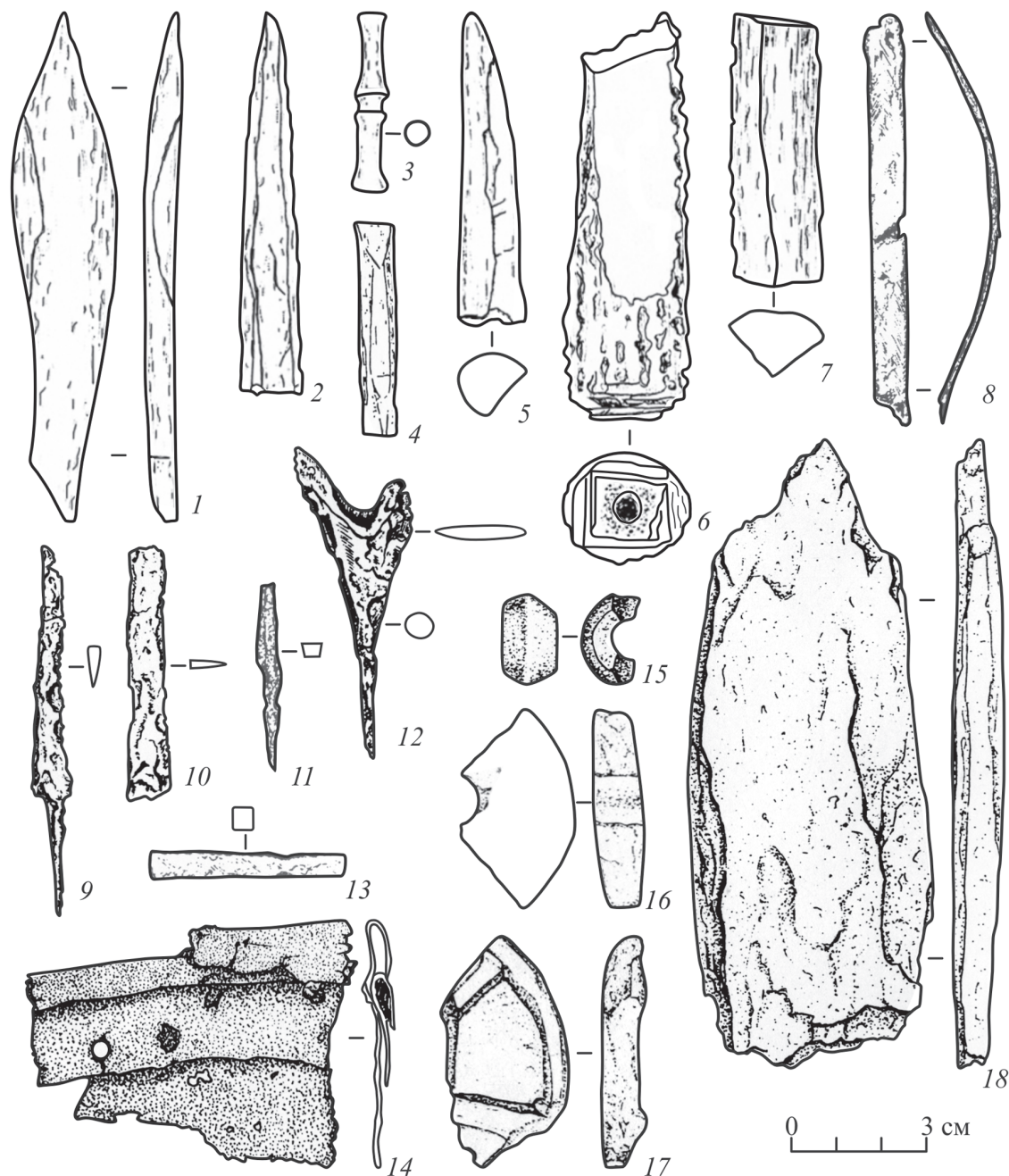

Рис. 2. Курск. Индивидуальные находки из ямы 11

1 - заготовка петли налучья; 2 - проколка; 3 - пуговица; 4-7 - заготовки; 8 - часть обруча ведра; 11, 13, 17 - фрагменты изделий; 9-10 - ножи; 12 - наконечник стрелы; 14 - обоймица; 15-16 - пряслица; 18 - оселок;
 № 1-2 - кость; 3-7 - рог; 8-13 - железо; 14 - бронза; 15, 18 - шифер; 16-17 - мергель

остатки столбика в виде скопления древесного тлена. О конструкции постройки говорить сложно, однако отсутствие столбовых опор свидетельствует в пользу того, что она, вероятнее всего, представляла собой сруб, впущенный в котлован глубиной около 0,5 м с почти отвесными стенками, который прорезал основание культурного слоя, частично предматерик и материк.

Заполнение постройки состояло из темно-серого грунта, в котором выделялись небольшие скопления обожженной глины. В нем были найдены четыре фрагмента стеклянных браслетов (три крученых, сильно коррозированных, и один - гладкий зеленый), глиняное грузило, петля для налучья, обломки обруча ведра и обработанного рога (рис. 1Б). В постройке ниже

уровня «активного перекопа» продолжали фиксироваться его незначительные признаки в виде поздних предметов.

Яма 11 располагалась под юго-западной частью постройки 2 и вошла в пределы раскопа частично (рис. 1А). Верхняя ее часть была уничтожена перекопом. Яма прорезала основание культурного слоя, предматерик и материк. В плане ее форма была, видимо, овальной, размеры исследованной части составили с севера на юг 1,5 м, с запада на восток – 1,75 м при глубине до 0,65 м. Стенки ямы в южной части были относительно пологими, к востоку становились заметно круче. На отдельных небольших участках стенок прослеживались остатки деревянной обшивки в виде очень тонкой прослойки. Заполнение состояло из темно-серого слоя с примесью угольков и кусочков (иногда крупных) обожженной глины, что отличало его от заполнения постройки 2. В яме 11 были встречены довольно многочисленные находки, среди которых заметное место занимают предметы из кости и рога: полуфабрикат петли налучья (рис. 2, 1), пуговица (рис. 2, 3), проколка (рис. 2, 2), отходы косторезного дела (рис. 2, 2, 4–7). К числу других обнаруженных предметов относятся нож и обломок еще одного, обломок обруча ведра, наконечник стрелы, фрагменты бронзовой накладки, предметов из железа и мергеля, шиферные пряслице и оселок (рис. 2, 8–18).

Единство сооружения устанавливается по двум признакам. Во-первых, в постройке 2 и яме 11 присутствовали предметы, связанные с косторезным делом. Во-вторых, заполнение ямы как бы «выплескивалось» через ее край и прослойкой в виде «языка» перекрывало южную часть котлована постройки, располагаясь несколько выше его дна. Другими словами, заполнение ямы 11 формировалось одновременно с заполнением придонной части постройки 2. Судя по всему, яма использовалась для мусора в качестве выгребной, с «выходом» наружу, что нередко встречается в хозяйственных сооружениях вплоть до настоящего времени. Такого рода интерпретация подтверждается и составом обнаруженных в ней находок, которые представлены большим количеством фрагментов керамики (384 экз.). Предметы из ямы 11 были, главным образом, поломанные, отслужившие свое или представленные заготовками, частью явно выбракованными, что также подтверждает ее назначение как мусоросборника.

Среди вещей из кости и рога (всего 9 экз.) особое внимание привлекают петли налучья. Одна из них представляет собой полуфабрикат: резчик уже придал заготовке необходимую фор-

му, но еще не просверлил отверстия (рис. 2, 1). Видимо, в ходе обработки на одной стороне заготовки появилась трещина, что и привело к выбраковке предмета. Вторая петля имеет законченную форму (рис. 1Б, 8). В ней просверлены четыре отверстия: три маленьких круглых были необходимы для крепления петли к налучью, одно овальное – для ремня, которым само налучье крепилось к поясу владельца оружия.

Типология петель для колчанов и налучий была предложена в 1966 г. Г. А. Федоровым-Давыдовым, который проанализировал обширные материалы кочевников X–XIV вв. Курская находка целого изделия демонстрирует полное соответствие типу III отдела А [6]. На полуфабрикате отсутствует один из типобразующих признаков – большое отверстие, однако практически детальное совпадение других морфологических показателей позволяет с уверенностью отнести его к тому же типу. Обработка Г. А. Федоровым-Давыдовым результатов типологизации с применением математических методов не дала хронологических привязок петель выделенного типа. В одновременно опубликованном своде по метательному оружию А. Ф. Медведев предложил отделить детали колчанов от петель налучий по изогнутому основанию последних, при этом вопрос об их датировке даже не поднимался [7]. В. Е. Флерова пришла к выводу, что эти предметы использовались в Саркеле в середине X – 1-й половине XII в., однако уточнила, что верхняя дата не является бесспорной, так как в это время город превратился в небольшое половецкое зимовье [8].

Таким образом, хронология этих изделий пока определяется в весьма широких пределах. На территории Курского княжества известны еще две находки петель налучий, которые происходят с территории Липинского селища и принадлежат к тому же типу III отдела А, по Г. А. Федорову-Давыдову. Предполагаемая связь истоков их морфологии с изделиями кочевников вряд ли может удивлять ввиду близкого расположения Курского княжества к Половецкой земле.

Стержневидная пуговица была изготовлена из рога (рис. 2, 3). По мнению С. Д. Захарова, такие предметы могли использоваться для застегивания верхней зимней одежды или большой сумки [9]. В Восточной Европе изделия подобного облика имели широкое распространение [8; 10]. В еще большей степени это относится к проколкам, особенно изготовленным, как и находка из ямы 11, из стенок крупных костей (рис. 2, 2). Еще в двух случаях можно предположить замысел мастера: видимо, он пытался

изготовить рукояти, однако заготовки по разным причинам были забракованы (рис. 1Б, 5; 2, 6). Остальные предметы, видимо, являются отходами (рис. 2, 4–5, 7). В целом комплекс находок позволяет говорить о том, что резчик владел приемами обрубки, пиления, сверления и полировки. Изделия из трубчатых костей (в частности, заготовка петли налучья), изготовление которых требовало дополнительных навыков, можно расценивать как свидетельство профессионализма мастера.

Обратимся к хронологии открытого сооружения. К сожалению, двурогий срезень имеет очень плохую сохранность, что затрудняет определение его типа (рис. 2, 12). Технологию изготовления ножа (рис. 2, 9) без специального анализа точно установить нельзя, однако по сохранившемуся обушку и характерной, «до основания», сработанности можно предположить, что он был изготовлен из трехслойного пакета. Такие изделия по новгородской шкале вышли из употребления в середине XII в. [11]. В историографии имеется мнение о том, что шиферные с диаметром внутреннего отверстия 9 мм (рис. 2, 15) перестали использоваться в основном в 1-й половине XII в. [12; 13], хотя следует признать, что эти выводы требуют дополнительных обоснований. Производство киевских браслетов³, обнаруженных в постройке 2, начинается во 2-й четверти XII в., после чего они широко распространяются по Руси [14].

Таким образом, начало функционирования косторезной мастерской с большой долей вероятности можно отнести к середине XII в. Уточнить окончание ее деятельности позволяет обращение к керамике. Целесообразно для этого использовать материалы из ямы 11, так как она заметно меньше пострадала от перекопов. Единичные фрагменты ранней манжетовидной и позднесредневековой посуды явно случайно попали в комплекс, который выглядит достаточно целостным (рис. 3). Практически на всех венчиках отмечается слабая округлость валика с резко выделенным желобком на его внутренней стороне. Такая посуда появляется с 30-х гг. XII в., но становится особенно характерной для середины – 3-й четверти этого столетия. В свою очередь, не представлены венчики посуды, появляющейся на рубеже XII–XIII вв. [13]. В результате есть основания полагать, что косторезная мастерская, появившаяся на верхнем посаде Курска в середине XII в., вряд ли дожила до рубежа XII–XIII столетий.

³ Приносим благодарность Ю. Л. Шаповой за определение браслетов.

Долгое время в большинстве древнерусских городов подавляющее большинство предметов из кости и рога производилось в рамках домашних занятий. Немногочисленные случаи появления профессиональных мастерских известны еще в IX–X вв. [10], однако они получают заметное распространение, видимо, только начиная с XII в., даже скорее с середины – 2-й половины этого столетия; при этом, судя по разнообразию ассортимента, резчики работали, главным образом, на заказ [15; 16; 17]. Возникновение специализированного ремесла, предусматривавшего работу на рынок, в разных регионах Руси отличалось по времени: на севере и северо-востоке мастерские, ориентированные на производство представительных серий изделий, впервые отмечаются в 1-й половине XIII в. [4; 18], в Киеве – уже в середине – 2-й половине XII в. [19].

Курская мастерская с точки зрения уровня организации ремесла находит полное соответствие в общей схеме развития косторезного дела в древнерусских городах. Появившись в середине XII в., она была организована в специальном, не совмещенном с жильем, помещении с выгребной ямой. Из-за сильных повреждений нельзя утверждать, имелась ли в постройке печь, хотя скопления обожженной глины можно осторожно расценивать в качестве свидетельства ее существования. Отсутствуют доказательства узкоспециализированной деятельности мастера. Вероятнее всего, резчик работал на заказ и изготавливал разнообразные по своему назначению предметы, хотя при этом нельзя исключать и небольшие партии однотипных изделий, на что указывают петли налучья. Некоторые находки из сооружения, помимо костяных, также вполне могут быть связаны с производственной деятельностью (ножи, обломки железных предметов, деревянная емкость, на присутствие которой указывают обломки железных обручей). Два предмета – грубый оселок, у которого была заглажена только часть одной стороны, и пряслице были выполнены из шифера. Доказательством местного производства пряслиц могут быть только полуфабрикаты, однако сам по себе факт поступления в Курск необработанного пирофиллита представляет собой несомненный интерес, тем более что на раскопе 3 был найден еще один обломок этого материала. Известно, что косторезное дело нередко сочеталось, особенно на ранних этапах, с другими видами производственной деятельности [20]. Правда, в нашем случае не исключено, что оселок использовался в процессе рогообработки для шлифовки изделий.

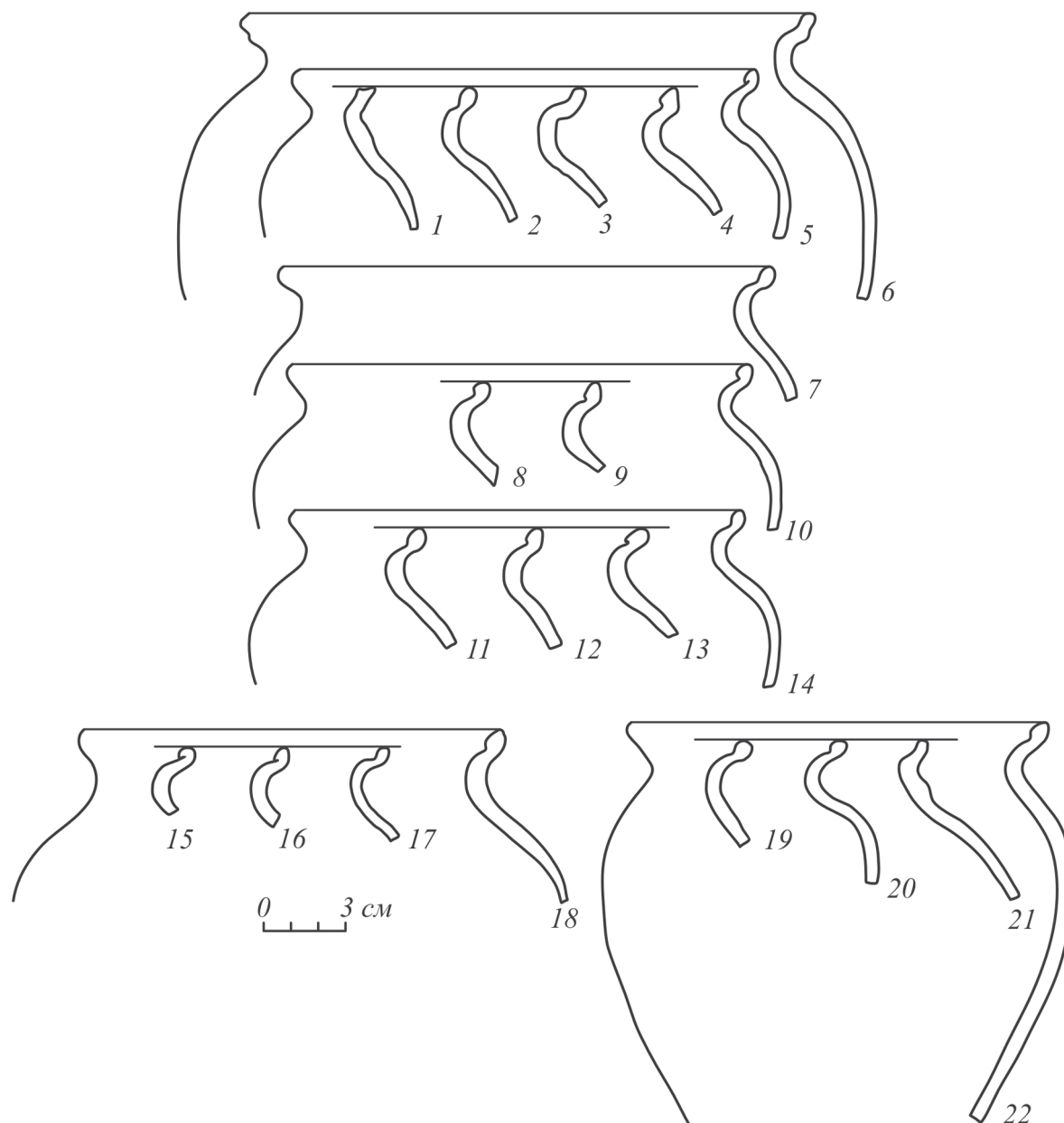

Рис. 3. Курск. Круговая керамика из ямы 11

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбунов Д. Н. Изделия из кости и рога Липинского археологического комплекса / Д. Н. Горбунов // Актуальные проблемы научного творчества ученых кафедры истории России : сб. науч. статей. – Курск, 2009. – Вып. 5.

2. Енуков В. В. К 20-летию археологического изучения Курска / В. В. Енуков, О. Н. Енукова // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – М., 2008. – Т. II.

3. Зорин А. В. Оборонительные укрепления средневекового Курска / А. В. Зорин // Средневековый город Юго-Востока Руси : предпосылки возникновения, эволюции, материальной культуры. – Курск, 2009. – С. 87–89. – Рис. 6.

4. Смирнова Л. И. Обработка кости и рога на усадьбах Неревского и Людина концов средневекового Новгорода (опыт анализа отходов косторезного производства) / Л. И. Смирнова // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. – М., 1997. – Т. 1. Проблемы славянской археологии. – С. 353.

5. Жарнов Ю. Э. К вопросу о косторезном производстве в домонгольском Владимире-на-Клязьме / Ю. Э. Жарнов // Российская археология. – 2003. – № 2.

6. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов : археологические памятники / Г. А. Федоров-Давыдов. – М., 1966. – С. 31. – Рис. 2.

7. *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие : лук, стрелы и самострел VIII–XIV вв. / А. Ф. Медведев // Свод археологических источников. – М., 1966. Е1-36. – С. 20–23. – Табл. 8.
8. *Флерова В. Е.* Резная кость Юго-Востока Европы IX–XII вв. : искусство и ремесло. По материалам Саркела-Белой Вежи из коллекции ГЭ / В. Е. Флерова. – СПб., 2001. – С. 49–50.
9. *Захаров С. Д.* Древнерусский город Белоозеро / С. Д. Захаров. – М., 2004. – С. 217.
10. *Давидан О. И.* Староладожские изделия из кости и рога (по раскопкам Староладожской экспедиции ИИМК АН СССР) / О. И. Давидан // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – Л., 1966. – Вып. 8. – С. 111.
11. *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей / Б. А. Колчин // Новгородский сборник : 50 лет раскопок Новгорода. – М., 1982. – С. 164.
12. *Розенфельдт Р. Л.* О производстве и датировке овручских пряслиц / Р. Л. Розенфельдт // Советская археология. – 1964. – № 4. – С. 223.
13. *Моргунов Ю. Ю.* Сампсониев остров : пограничная крепость на посольской окраине Южной Руси в XI–XII вв. / Ю. Ю. Моргунов. – М., 2003. – С. 44.
14. *Щапова Ю. Л.* Украшения из стекла / Ю. Л. Щапова // Древняя Русь : быт и культура // Археология : в 20 т. – М., 1997. – С. 87.
15. *Монгайт А. Л.* Старая Рязань / А. Л. Монгайт // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1955. – № 49. – С. 42–43, 131.
16. *Гуревич Ф. Д.* Древний Новогрудок (посад – окольный город) / Ф. Д. Гуревич. – Л., 1981. – С. 141–144
17. *Смирнова Л. И.* Проколки (хронология и функциональное назначение) / Л. И. Смирнова // Археологические вести. – СПб., 2000. – Вып. 7. – С. 244.
18. *Даркевич В. П.* Древняя столица Рязанской земли / В. П. Даркевич, Г. В. Борисевич. – М., 1995. – С. 79.
19. *Сергеева М. С.* Косторезное ремесло XI–XII вв. на Киевском Подоле / М. С. Сергеева // Acta archaeologica Albaruthenica. – Минск, 2008. – Вып. 8.
20. *Давидан О. И.* Изделия из рога и кости Старой Ладogi как исторический источник : автореф. дис. ... канд. ист. наук / О. И. Давидан. – Л., 1974. – С. 35.

Курский государственный университет

Енуков В. В., директор НИИ археологии юго-востока Руси

E-mail: vyenukov@gmail.com

Тел.: 8(471) 252-02-70

Горбунов Д. Н., младший научный сотрудник НИИ археологии Юго-Востока Руси

E-mail: Gorbunov2010@gmail.com

Тел.: 8-920-260-95-88

Kursk State University

Enukov V. V., Director of Research Institute of Archaeology of the South-East Russia

E-mail: vyenukov@gmail.com

Tel.: 8(471) 252-02-70

Gorbunov D. N., Junior Researcher of Research Institute of Archaeology of the South-East Russia

E-mail: Gorbunov2010@gmail.com

Tel.: 8-920-260-95-88